

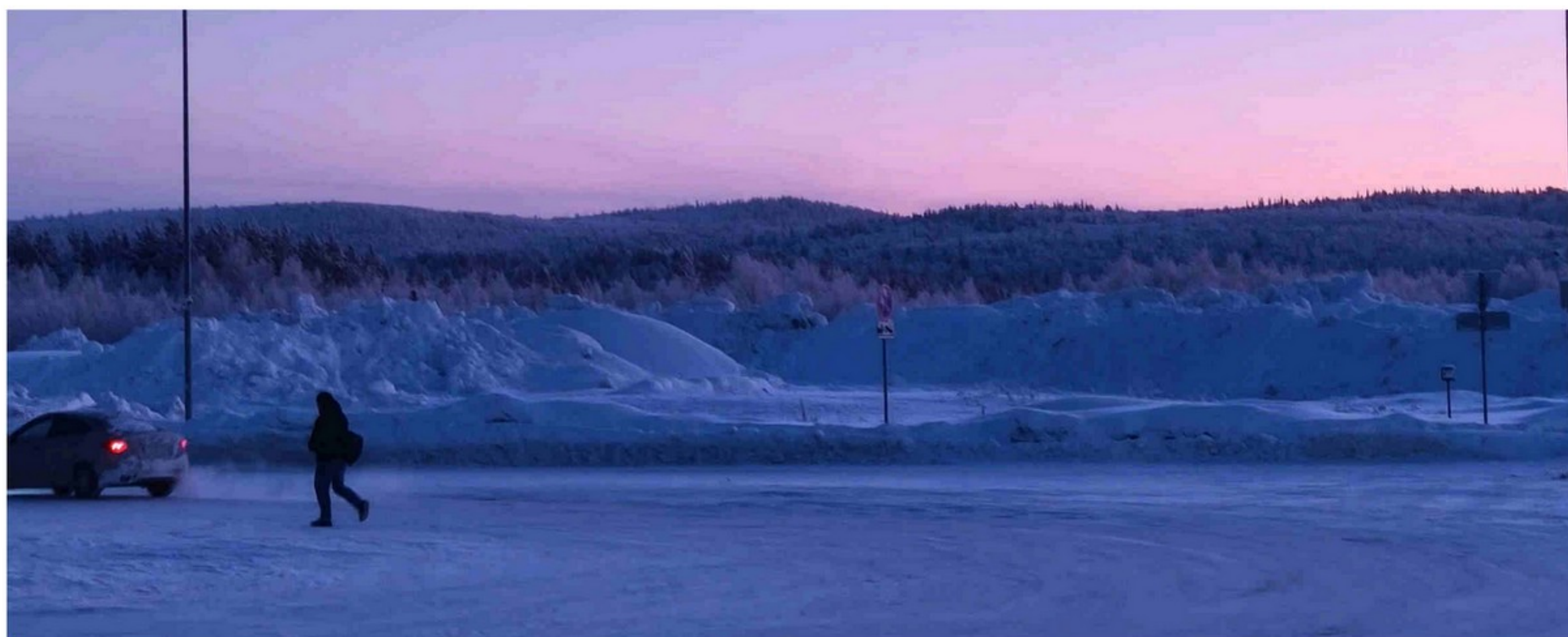
18+

Алина Плотова

ВЕЧНОЕ МЕЖДОМЕТИЕ

2025г

**ЕСЛИ ПИСАТЬ
КНИГУ, ТО ТАКУЮ,
КОТОРУЮ
НЕ ЗАБУДУТ
НА СИДЕНЬЕ
В МЕТРО.**

№1

Снег был повсюду.

Морозная перьевая подушка, в которую каждый день Витя выходил в шесть утра, чтобы через весь город пораньше приехать в школу, снять стыдные рейтузы, делавшие и без того пухлые ноги под брюками набухшими и слоновьями, сесть у стеклянной стены рекреации и ждать Любу. Она тоже всегда приходила пораньше.

Из-за него.

Свет в школе включали к восьми, с приходом детей. Свет порождал шум, смех и топот — лишние для Вити. А до того момента можно было сидеть в спящем здании рядом с ней, пахнущей шампунем и холодом, и разговаривать обо всем.

Очень редко, когда можно говорить обо всем с одним человеком. И еще более странно, что этим человеком оказалась Люба.

Еще месяца два назад они с Витей – стенка на стенку – устраивали драки. Били друг друга, как звери, по-настоящему, до крови. Потому что Витя толстый, а Люба - дура. То есть, без причины. И ненавидели друг друга так сильно, что Вите нашли другую школу. Там хорошие дети и гуманные педагоги, и до дома ближе на полчаса - так мама сказала.

А потом, после самой кровавой разборки, Витя пришел пораньше, чтобы не встречаться ни с кем, а там была она. Без диких подружек она казалась такой маленькой и беззащитной. Даже грустной.

Они сидели в темноте, на всякий случай подальше друг от друга, и вдруг она:

– Зима похожа на бедность. И от того и от другого, душа замерзает и больше не может петь. – И почему-то засмеялась. Но не так, как с подружками, говоря гадости. Со всхлипом.

А потом они говорили о телепередачах, пельменях, жарких странах, шахматах. Обо всем. И продолжали, пока не оказались рядом, плечом к плечу.

Она никогда не смотрела в глаза, скорее сквозь, будто всегда была занята пережевыванием какой-то мысли.

А Витя на нее смотрел. И видел веснушки по всему лицу, которые не пропадали даже зимой; пух над косичками, делавший ее похожей на одуванчик,

если позади бил свет. И руки, всегда покрытые коростой болячек от драк, и гуашью.

Сегодня Витя шел в эту школу последний раз. Он не говорил ей об этом, считая, что прощаться надо в день прощания. Так больной с последней стадией рака молчит, не желая травмировать близких, ведь все равно ничего не изменить, а натужная радость, хуже слез.

Автобус ехал по сугробам сегодня особенно устало и Витя пришел почти в восемь. Она уже была там: темные колготки, темное платье и белые волосы - спичка, почти сгоревшая до конца.

- Меня переводят – Витя сорвал пластырь незнания.
- Да, я знаю. Все знают. – Она улыбнулась.

И загорелся свет. С ним лавиной ворвались ее подружки. Стало громко и стыдно. Они окружили Любу и потянули в класс.

- Не больно-то было и весело с тобой – крикнула она вслед.

А потом пришла домой и долго плакала в туалете.

**- КАК ДУМАЕШЬ,
СОБАКИ - ЭТО
ПЕРЕРОДИВШИЕСЯ
ЛЮДИ?**

**- ТОЛЬКО ОЧЕНЬ
ХОРОШИЕ.**

№2

В детстве мне обещали, что на улице будут ходить люди и продавать наркотики.

Двадцать четыре года не встречала таких, видимо, не пришло еще тогда время. А на двадцать пятом году – на тебе.

Иду по улице, вечер, темно, мокро. Стоит в сером пальто, забился в угол дома и тихо так мне: “Девушка, де-е-евушка...”. Зовет, рукой машет.

- У меня есть две волшебных таблетки, – говорит, – от одной ты сможешь забыть всех, кого хочешь забыть. А от второй – перестанешь чувствовать боль. Только у них есть побочные эффекты. Их обычно мелким шрифтом пишут, но тут темно, так что я сам расскажу, только шепотом. В общем, если берешь ту, что помогает забыть, то со временем ты будешь забывать не только плохое, но и вообще все. А если выберешь ту, что боль убирает, так она

не только боль убирает, она вообще уничтожает все чувства. Тебе просто становится “никак”.

Молчу.

- Бери, – в руки мне таблетки сунул, – сегодня две по цене одной, у нас тут акция в честь весны и кризиса.

- А цена какая?

- А цена – твое согласие взять таблетки.

- Ты – коп, что ли? – испугалась, шагнула назад на безопасное расстояние.

- Нет, я – волшебник – улыбнулся, щелкнул пальцами и – пуф! – исчез.

Пришла домой, принесла таблетки. Сажу, смотрю на них. Думаю: “Я вам что, Нео какой-нибудь?”

Думаю-думаю, вспомнила все вообще. Даже, что забыла, все вспомнила, все болезненные и стыдные моменты. Ужас, как неприятно стало — выпила “обезболивающую”.

Сразу стало так хорошо.

То есть, нет, не хорошо.

Никак стало. (Но и не плохо же?)

Думаю, что теперь делать?

Села на совершенно ничем не примечательный стул, включила сериал – довольно посредственный, сажу, листаю на мобилке, не трогающую за душу ленту новостей, ем никакую еду.

Даже не надоедает. А как такое может надоесть?

Скука ведь тоже чувство. Глянула в окно. В окне ничего не происходит, темный квадрат с чем-то там, вписан в светлый квадрат бежевых обоев и таких же штор. Всегда раздражал бежевый цвет. А теперь ничего.

Легла спать.

Снов не было.

Проснулась.

Проверила организм – никак не функционирует. То есть, где-то там функционирует, но не заметно. Есть не хочется. Спать – тоже. А каких-либо мотиваций у меня и до приема таблетки не было.

Какая-то никакая у меня жизнь – думаю.

А потом поняла, это от того, что я еще помню, как было «до» и бессознательно сравниваю.

- Непорядок, – решила.

И выпила другую таблетку, которая забыть помогает.

Сработала мгновенно.

Я тут же забыла все плохое.

Правда, облегчения не почувствовала.

Потом пошла на кухню. Забыла, правда, зачем.

Стояла посреди кухни, с открытым холодильником, перегоревшей лампочкой, некормленными котами.

Все еще никак.

Как и всегда.

А перед глазами тот мужик в пальто — “не
благодари” губами произнес.

А за что его благодарить А как Я и чувства такого не
знаю да и кто он вообще такой

да и кто я вообще такая

стоит объект в периметре квартиры дышит по
иронии безусловных рефлексов

гоняет кровь такой вот не человека зверь и не зверья а ма

шина и не машина а каее.....

.....

.....

.....

№3

На детском празднике, среди воздушных шаров и смеха, стоял мальчик с куском торта в руке.

Торт был не просто сладким месивом из теста и крема, он был символом сладкой жизни и светлого будущего без потерь и стрессов. Может, сейчас мальчик просто жует этот кусок бисквита, а спустя десять лет станет великим оратором/космонавтом/бизнесменом (или кем там хотят стать дети?).

Крем прилипает к щекам, как поцелуи муз, как напоминание, что все обязательно сложится.

Но внезапно в голову мальчику летит мяч. Он ударяет ребенка по голове. Малыш начинает плакать, даже не дожевав.

Сладкий торт с привкусом соленых слез - яркий пример материализовавшейся обиды на этот мир, первый удар в спину, первая боль, пришедшая так внезапно.

Не плачь, мальчик, вытри слезы. Они вернуться к тебе еще много раз в жизни. А торт такой ты вряд ли еще когда-нибудь найдешь.

Ешь, кароч.

**КОГДА МНЕ
КАЖЕТСЯ,
ЧТО НЕЧЕМ
ГОРДИТЬСЯ,
Я ВСПОМИНАЮ,
ЧТО НИКОГДА
НЕ ЗАДЕРЖИВАЮ
ОЧЕРЕДЬ
У БАНКОМАТА.**

#ФУТФЕТИШ

#ОТНОШЕНИЯ

#ЖИЗНЬ

Оля сидит на стуле, похабно раскинув ноги.

Она размахивает наполовину полным бокалом, как бы в такт словам:

- Человек примеряется другим человеком, словно обувь... Жмет ли тебе человек? Впору ли тебе человек? Можно ли пройти с ним двадцать километров и не устать? Или он тебе только на редкий выход, поскольку ужасно неудобный, но подчеркивает твои достоинства? Или же человек тебе – ошибка, оказался рядом лишь из-за каких-то мимолетных желаний и теперь не знаешь, что с ним делать: выкинуть жалко, а не выкинуть... тогда что? И не понимаешь зачем тебе он...

Владимир мутно глядит на Олю, пытаюсь уловить мысль, но мысль скачет от формулировок к формам, от обуви к ногам и потекшей красной помаде.

Оля замолкает и с вызовом смотрит на Владимира, мол "Ну, а я тебе кто? Какая я тебе обувь, Вова?".

Удушающая тишина, как на экзамене, возвращает Владимира на землю. Кто ему Оля? Какая она обувь? Владимир забыл.

А может, она и не обувь ему? Может, она ему мозоль или заноза, а иногда и предательский угол мебели, ударивший беззащитный мизинец? Или раскаленные башмаки из чугуна, созданные для пыток?

Оля ждет.

Владимир, честно, помнил ответ, но сейчас позабыл.

Мягкие тапочки.

Нежный морской песочек, скользящий между пальцами.

Уютный ковер, который обнимает уставшие ноги после трудного дня. Вот правильные ответы, Владимир, не тупи.

Но Владимир тупит.

Оля шевелит пальцами ног, как бы подсказывая.

Ей это важно. Ей это действительно важно.

Это рубеж.

Она решила, как Владимир ответит, так все и сложится у них. И ответ придумала, даже несколько ответов, потому что мы живем в свободной стране и каждый вправе думать так, как ему хочется.

Но если Владимир не угадает, он проиграет в этой жестокой игре в ячейку общества. А это значит все. Это значит конец. Весь этот месяц был глупой шуткой, ошибкой, очередным провалом. А сколько таких уже было... Неужели, придется начинать все сначала? С другим. Снова надеяться, нервничать, снова придумывать милые прозвища и находить "наши" песни, а эти забывать, забывать... И что, опять менять статус во Вконтакте, опять "без пары"? А ведь уже не девочка, еще немного и вытолкнут из гонки за женское счастье...

- Ну! Какая я обувь, Вова???

Владимир, покопавшись в глубоком внутреннем мире, неуверенно отвечает.

- Че ты там мямлишь? - ноги Оли (с лязгом) смыкаются.

Владимир мямлит чуть громче, что-то про босоногую молодость, и тут же становится свидетелем того, как уходит любовь.

А Владимир, между прочим, месяц ждал этого вечера.

Не так все должно было быть.

Должны были быть фильм (мелодрама с этой, ну, такой, ну, блондинка еще, все время в таких фильмах играет), потом вино, свечи и Мистер Кредо

фоном, чтоб не отвлекал от сути.
Но до сути дело так и не дошло....

Оля долго собирает вещи — зажигалку и записку
портвейна.

Владимир еще немного надеется, что все рассосется
само собой.

Он не привык к аналогиям, метафорам и к этим
женским беседам; он не имеет склонностей к
аналитическому мышлению и не обладает
задатками оратора.

Оля прощальным взглядом скользит по кухне,
минуя Владимира, и делает шаг в темноту дверного
проема.

Вот ее нога по щиколотку погрузилась в черноту
коридора...

Вот ночь поглотила колено, зацепив запястье...

Вот предплечье и даже бедро растворились за
периметром кухни.

Плечо, Владимир, плечо пропадает. С ним часть
волос и ухо со смешной сережкой...

Лицо...

Какой у нее цвет глаз?

Затылок, спина, еще раз плечо...

Локоны падают в темноту...

Кухня хранит еще немного пальцев левой руки и
жаль_не_бесконечную белую ногу. Но и она уже

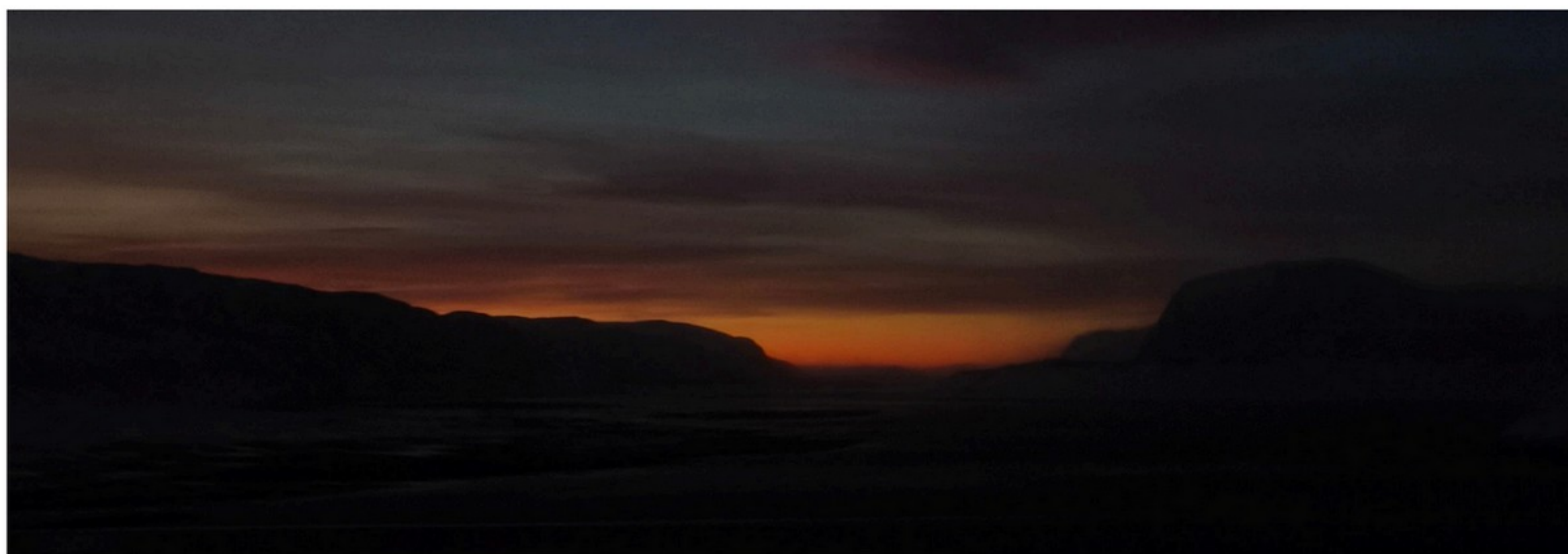
устремляется в неизведанное, темное, будущее...

Наконец, розовая ступня, скрытая кружевным носком, отрывается от липкого линолеума, торопясь исчезнуть...

- Оля, бл*ть, ну, че ты начинаешь? Какая же ты обувь? Как можно было додуматься сравнить венец природы с вонючими башмаками? Ты – личность, Оля, а не сандалии или тапки, пусть даже удобные. Ты цельная и неповторимая, созданная в любви, по образу и подобию божьему, я в этом не сомневаюсь, Оля, потому что ты красивая. А обувь производят бездушные машины по ГОСТу, с выработкой – сто пятьдесят одинаковых пар в день. А еще башмакам, Оля, нужна пара, чтобы существовать в этом мире, а тебе, Оля... тоже нужна пара, но для того, чтобы создавать, творить, смотреть счастливым взглядом в светлое будущее, а существовать ты и так можешь. Без пары. И не надо мне тут этих твоих комплексов, оставь их подружкам и твиттеру. Или где ты там сидишь все время? А теперь заканчивай этот цирк и пошли фильм смотреть!

И Оля идет.

- Спасибо за перчатки, они меня согрели.
- Нет, оставьте их себе. Хочу, чтобы что-то осталось на память от меня.
- Тогда что мне оставить вам?
- Свое сердце.
- Сердце обменять на перчатки?
- Это очень хорошие перчатки...

ЖЕРЛО

Это было летом в деревне Сулы.

Я тогда еще была маленькая: любила бегать по лужам и водила дружбу с мальчиком Женей (у него все лицо в веснушках и худые плечи). Сейчас он, кажется, прапорщик и женился на какой-то блондинке, которая очень не нравится его бабушке. Но это сейчас.

А тогда мы бегали с утра до вечера по полям, собирали репей на шорты и пили воду из колонки.

Однажды, в субботу (это точно была суббота, потому что вечер пах пивом и кострами только в эти дни), мы с Женей бежали с озера домой.

Надо сказать, что у нас за лугом есть небольшой лес, а за лесом, если пройти чуть дальше, чем разрешают родители — озеро Яман.

На этом озере все время были туман и алкаши.

Правда, алкашей мы никогда не видели, только слышали. Они заунывно пели песни и мигали кострами где-то вдали.

От этого в душе рождалось то самое ощущение русской тоски, будто все в тебе умирало, умирало, умирало, но почему-то никак не могло умереть до конца.

Яман родители не любили.

А до родителей его не любили их родители и родители их родителей и так еще много поколений.

Считалось, что на этом озере живет нечистая сила.

Она делает что-то такое с людьми, от чего у тех все время болит в груди и холодеют пальцы.

Но мы никогда в это не верили, потому что нечисти никогда не видели, зато мы видели, какие красивые закаты на Ямане и знали какие вкусные там ягоды.

И потому проводили на озере много времени, пусть нам и бывало немного грустно.

В ту субботу мы с Женей сначала решили пойти на поиски ежевики, потому свернули от большого камня налево, а не направо, как обычно. Но ежевики мы не нашли, зато я разбила коленку, а Женя порвал майку о корягу.

Когда мы возвращались в деревню, солнце уже почти село и лес был пронзительно синим.

А туман выполз из озера и путался у нас под ногами.

Мы уже поворачивали на нужную тропинку, как вдруг между деревьями я заметила человека. Он стоял в пальто и в калошах и смотрел на нас с Женей.

- Эй, ребята, идите сюда, ребята, - сказал человек, - у меня кое-что есть и я вам это кое-что хочу показать.

- Нетушки, не пойдем, нам родители не разрешают с чужими дядями разговаривать, - сказал Женя... и пошел к человеку.

Я несла за Женю тихую ответственность, потому пошла следом.

Вблизи у человека были коленки в мурашках и руки с желтыми от махорки пальцами. Он стоял, вцепившись в лацканы, будто прятал под этим пальто что-то важное.

- Хотите кое-что покажу? Хотите кое-что посмотреть? - спросил человек.

- Хотим. - Сказал Женя.

- Не хотим. - Сказала я.

И человек расстегнул пальто. А там... дырка. Прямо в груди. Большая такая и глубокая.

- У вас дырка в груди. – говорю.
- Это не дырка, это жерло, – отвечает человек.
- Нет, дырка, говорю, – говорю.
- Дура ты мелкая, ничего не понимаешь еще, – обиделся человек, – это жерло. Потому что жерло – длинное и с концом в конце, а дырка – она насквозь. И без конца.
- Ясно, – сказали мы с Женей и пошли в деревню.

- Стойте! Вы чего? Наклонитесь, послушайте, – сказал человек и стал так жалобно смотреть, что мы вернулись, наклонились и послушали.

А там, из этого жерла — музыка.

Но не такая, как у нас на дискотеках, и не такая, как у алкашей на Ямане, а какая-то странная, будто женщина плачет. Или поет.

- Слышите? Это Марина поет или плачет – сказал человек. – Я ее съел.
- Да? А чего она тогда не в желудке? – не поверил человеку Женя.
- А потому что я ее сильно любил. И она меня. Знаете, как все было? Вот как: мы жили вместе, жениться хотели, корову купили, так все серьезно было. Но однажды я проснулся, смотрю на нее и думаю: "Люблю тебя. И ты меня любишь. И жениться мы хотим. И корову купили. А потом ты меня возьмешь и разлюбишь. Сначала врать мне в

глаза будешь. А потом уйдешь, сердце мне разобьешь. Ведьма ты, Марина, ведьма и сука!" и съел ее. А как съел, у меня все болеть стало, и дырка начала расти в груди, жерло это. Три дня росло. А потом перестало. Я сел, смотрю вовнутрь, а там Марина. Сидит и плачет. Или поет. Вот уже много лет прошло, а она все там. Видите?

Мы с Женей внимательно смотрели в жерло. Человек даже фонарик достал и посветил на Марину, чтоб нам ее лучше было видно.

- А чего она с щипцами сидит? – спрашиваю.

- А это я пытался ее щипцами вытащить, – ответил человек, – не вышло, укусила за палец и щипцы себе забрала. Так и сидит с ними, на меня рычит, а уходить не хочет. Баба, что с нее взять...

И тут Марина запела. Не заплакала – запела. Красиво так, громко, высоким голосом. Мы даже вздрогнули.

Она пела про лебедя, который попал в сети черные, а выбраться не сумел, как ни пытался. Когда же он уже собрался умирать, пришли люди, взяли ножи и срезали путы с лебедя. Но лебедь не полетел.

- Лети – говорят лебедю люди, – лети, дурная ты птица, ты свободен, расправь крылья, догони своих братьев, спой вместе с ними...

А лебедь не полетел. Он лег на сети, что его сковывали, да так и остался лежать.

На веки вечные...

Песня струилась из жерла по лесу, через туман. Долетела до яманских алкашей и они тоже затихли - заслушались.

И вообще все вокруг затихло: деревья, птицы, ветер. Все слушали песню, что лилась из нутра человека в пальто.

А когда песня закончилась, я сказала:

- Я коленку разбила.

- А я майку порвал, мама ругаться будет, – подхватил Женя.

- Бедные мальчик и девочка, бедные дети, – расстроился человек, – хотите ежевики?

И достал из кармана литровую кружку с ягодами. И насыпал нам полные ладони.

- Спасибо – говорим, – но нам пора, нас родители ждут.

- Конечно, ждут, они еще и волнуются. Вон как темно, а вы тут одни, в лесу. Вдруг чего произойти может? Рассказывают же случаи...

- Ну, мы пойдем тогда, – говорим.

- Спасибо за ягоды, – говорим.

- Марине тоже ягод дайте, может, она перестанет кусаться, – говорим.

- Ну, идите тогда, – отвечает человек.

- До свидания.

- До свидания.

И мы ушли.

До самого дома за нами летела та песня (или все же тот плач), а когда я наконец обернулась, – думала, человек за нами пошел, – никого не было. Только ночь и туман...

Мы тогда, конечно, никому не рассказали о случившемся, соврали, что ежевику так долго собирали – вот, полные руки набрали.

Ягоды, кстати, вкусными оказались. Сладкими, спелыми. Только после них пальцы немеют и болит в груди.

Женя сказал, что изжога...

**-УТРОМ ТЕПЛО,
ДНЕМ ВЕТЕР,
А ПОТОМ
НАСТУПАЕТ НОЧЬ.**

**- ВЕТЕР ПРИНОСИТ
НОЧЬ.**

СКАЗКА

Жил-был человек, который ничего не умел.

"Я ничего не умею, я – лох" – человек повторял это каждый день и так сильно наполнился тоской, что чуть не захлебнулся.

"Я ничего не умею, я тону изнутри, какой же я никчемный".

Тут человек услышал голос с небес:

- Эй, человек, зачем ты так говоришь? Ты умеешь очень многое. Ты умеешь ходить, говорить, ты моешь посуду, ты кормишь собак и птичек, ты видишь мир красивым, ты убираешь мусор за собой и даже иногда за другими.

Человек задумался.

Тоска выплеснулась из человека и стала озером.

Человек посмотрел в это озеро и увидел свое отражение. И оно ему понравилось.

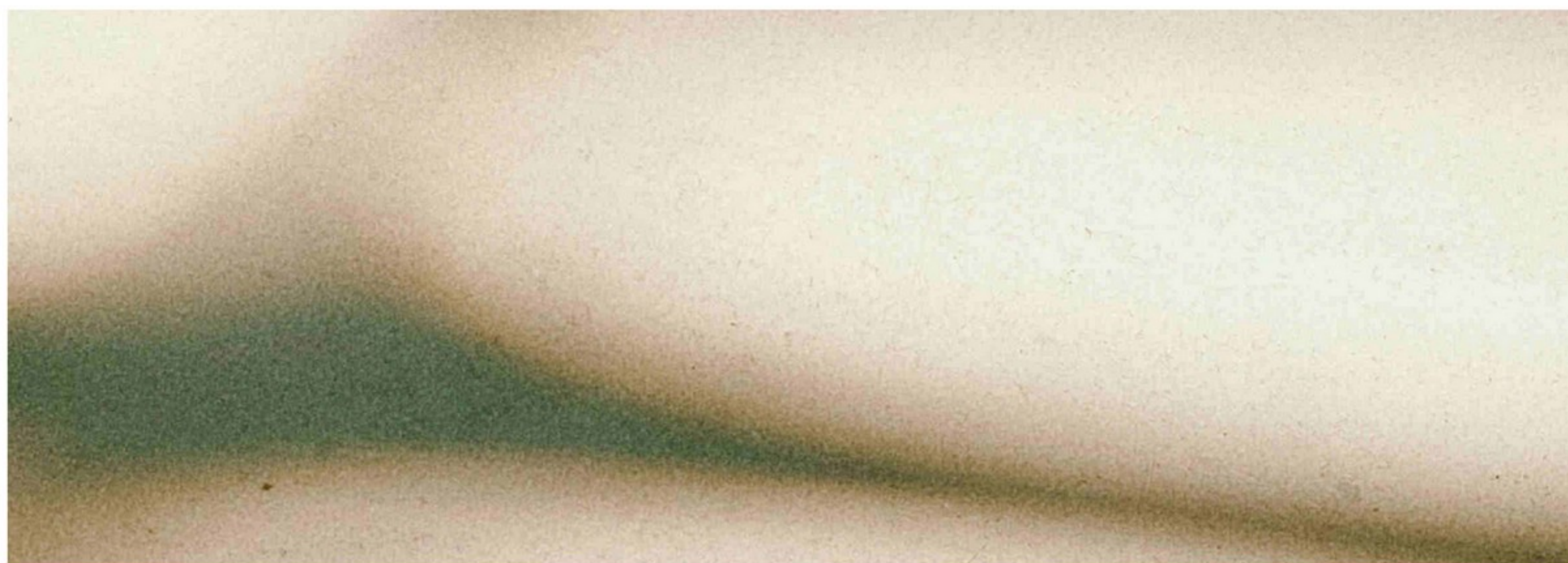
- Спасибо, – сказал человек голосу. – Кто ты такой? Я хочу видеть тебя, чтобы отблагодарить!

- Отблаговари себя. Ведь я и есть ты – сказал голос.

И человек ушел. И начал жить жизнь, делать дела и любить себя и весь мир.

А бескрылый голубь Олег улыбался.

Хорошо быть говорящим голубем и помогать людям обрести крылья.

№4

Однажды мне приснился Никита Михалков.

Мы с подругой встретили его на улице, я поздоровалась, а он так преданно заглянул мне в глаза, что сразу захотелось с ним сфотографироваться.

Я попросила подругу сделать кадр. Пока она выкручивала объектив, мы с Михалковым разговорились. Ему было удобнее идти и говорить, поэтому мы ушли, оставив подругу наедине с фотоаппаратом.

Я даже смутно надеялась, что он меня спросит "кто ты по жизни?" и я расскажу про сценарии, идеи, кинематограф.

Но он не спросил.

Зато сказал, что не женат, а в газетах пишут гнусные сплетни про семейную жизнь.

И я подумала: "Надо же, неженатый человек, а так хорошо одевается".

**ТОЛЬКО ЧТО ЭТО
БЫЛО:**

**ЦОКАЯ ЖЕЛЕЗНОЙ
КЛЮКОЙ,
ИЗ ОДНОГО КОНЦА
ВАГОНА В ДРУГОЙ
ПРОШЛА ФЕЯ — В
КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ
МОРЯКА
С ВОЛШЕБНОЙ
ПАЛОЧКОЙ, ТОРЧАЩЕЙ
ИЗ РЮКЗАКА.**

№5

Засыпая, он выдохнул и дернулся, как прибывший на станцию поезд. Спи спокойно – стоянка будет долгой.

Сквозь приоткрытое окно проникают шорохи и горький аромат ночи. Комната преображается, дичает.

Я – перрон, пристанище и отдых для поезда; смешала на себе запахи полыни и креозота – прощания и приключений.

Мои волосы проводами уходят в деревенскую даль, туда, где в серой дымке кошачьим глазом смотрит неспящий дом. Кто там внутри? О ком живут те люди под рыжим абажуром, скомканные около телевизора?

Полночь кружит над полустанком, душит звуки. Резко и жалостливо вспух над деревней крик птицы, лопнул и затух комарами. Поезд дернулся, всхлипнул составами, в каждом окошке дрогнули шторы. Но не спеши просыпаться, еще не скоро в дорогу.

Золотая собака, сонно шлепая, пробралась под лавку перрона, округло плюхнулась теплым телом.

Перрон ее кормит.

У меня каменеет тело. Еще минута в этой позе и пальцы зашипят газировкой, станут травянистыми, мягкими, как мох. По небу фарами пролетает комета. Сегодня определенно август.

Где-то вдали слышатся раскаты грома. Влажный, утробный звук.

Ощущаю беспомощность перед надвигающейся стихией – не сбежать, не спрятаться. Гром рокочет долго, протяжно, зычно. До тех пор пока розовая дымка утра не кладет горячую руку мне на лоб, жар вибрирует.

Поезд, шумно выдохнув, трогается: бодро дзынькают ложки в стаканах, по проходам шаркают первые проснувшиеся с букетами умывальных принадлежностей. Они театрально морщат лица под лучами еще прохладного солнца, по-русски скрывая улыбку: утро в пути всегда предвещает радость...

**ОНА ПРИЗНАЛАСЬ
В ЛЮБВИ ТАКИМ
ТОНОМ, БУДТО
ПРОСИЛА
ПЕРЕДАТЬ САХАР.**

АНТОН

1.

- Когда мы встретимся, мы тут же поженимся...

Я точно знаю...

Маше тринадцать лет. Она прижимается щекой к прохладному гляцевому лицу известного актера. Бумага прилипает к коже и проминается с пластиковым звуком.

В комнате темно. На другой половине кровати лежит Лидка, она задумчиво смотрит на блуждающие тени от листьев липы на потолке.

- Как же вы поженитесь, если ты даже целоваться не умеешь?

Лидка опытная. Она уже целовалась с тремя парнями и дважды смотрела "Мемуары гейши".

- А зачем нам целоваться? У нас Любовь. Мы выше всего этого...

- Ну, и что, что любовь... Целоваться все равно придется. Они только ради этого женятся.

У Лидки три старших брата — она разбирается в мужской психологии.

- А мы ради чего тогда?

Лидка пару минут думает над вопросом, затем, отвернувшись к стене, накрывается одеялом.

- Спи давай, — глухо бурчит она.

Маша, как в фильмах, ложится на бумажную грудь знаменитого актера и нежно целует глянец.

2.

- Быть или не быть,- таков вопрос;

Что благородней духом - покоряться

Пращам и стрелам яростной судьбы

Иль, ополчась на море смут, сразить их

Противоборством? Умереть, уснуть,-

И только... Как там дальше?

Маша вышагивает по комнате взад-вперед. Пальцы зажаты серым томиком с золотыми буквами на обложке, выполняют роль самодельной закладки.

Маша чеканит шаг, тем самым пытаюсь впечатать в память витиеватость речевых оборотов.

- Какие сны приснятся в смертном сне,

Когда мы сбросим этот бранный шум,
Вот что сбивает нас; вот где причина
Того, что бедствия так долговечны...

Несколько дней назад Маша наткнулась на телепередачу по каналу "Культура", где в темной комнате друг напротив друга сидят двое людей и разговаривают о жизни.

В тот раз гостем был Известный Актер. Он сетовал на нынешнюю молодежь:

- Если я подойду к кому-нибудь на улице и попрошу прочитать монолог Гамлета, никто дальше "быть или не быть" не вспомнит, а, может, даже спросят "кто такой Гамлет?" или "что такое монолог?".

- Если, конечно, поймут, что человеком является Гамлет, а не монолог. – Смеется ведущий в черной водолазке.

Известный Актер иронично улыбается вместе с ним.

- Кто снес бы плети и глумленье века,
Гнет сильного, насмешку гордеца,
Боль презренной... прЕзренной любви, судей
неправду,
Заносчивость властей и оскорбленье,
Чинимые безропотной заслуге...

Маша просто не имеет права не знать этот монолог.

Можно не читать то, что было до, можно не читать то, что было (и будет) после, но ночью разбуди, она должна знать что:

“Трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет (тут Маша слегка улыбается)... под налетом
мысли бледным,
И начинанья, взнесшиеся мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия...”

Пальцы-закладки затекли, сдавленные страницами,
в горле пересохло и голова, если честно, уже не
различает предложения, путает их, выбивает из
ритма.

Хочется погулять за гаражами, забраться на
голубятню или ткнуть палкой алкаша у подъезда и
убежать с визгом, но Маша как будущая жена
Известного Актера обязана знать классику.

- В твоих молитвах, нимфа,
Да вспомнятся мои грехи...

3.

Облако пара вылетает изо рта и замирает, погружая
лицо в туман.

Минус тридцать – не преграда для любви, тем более,

когда шанс всего один.

Маша вместе с другими толпится у служебного входа драмтеатра.

Она ждет и старается вспомнить, что идет после «моря смут».

Забыть...

Уснуть...

Ну, вот, забыла. Теперь не о чем будет поговорить с Известным Актером.

Лидка рядом — зарывается в шарф/олицетворяет дружбу.

Спектакль кончился двадцать минут назад.

Пять минут на бурные аплодисменты.

Восемь – чтобы переодеться и снять грим.

Еще шесть минут, чтобы выдохнуть и загадочно посмотреть в зеркало с лампочками по периметру, вспомнить по приклеенным фотографиям, как было раньше и почему так уже никогда не будет.

Погрешность - минуты три.

А это значит уже вот-вот... и встреча.

Любовь застревает в горле и растекается по всему телу болезненной тяжестью.

Маша шевелит большими пальцами внутри дурацких (спасибо, мама!) ботинок. Тестирует свои возможности. Будет неловко, если Известный Актер

увидит Машу и воскликнет "Ну, иди же ко мне скорее, милая-любимая, Машенька! Манюнечка! Машок! Всю жизнь без тебя жил - больше не могу и не буду!", а она сделает шаг и упадет...
Как дура...

Дверь распахивается, окатив толпу желтым потоком света.

Из золотого прямоугольника в мороз нехотя выходят черные фигуры.

Толпа, ахнув, подается вперед, заглядывает в лицо каждому вышедшему, но быстро теряет интерес - это местные актеры. Настолько местные, что никто не желает тратить на них чернила, цветы, комплименты.

Толпа редет, не выдержав безразличия со стороны столичных артистов, и в конце концов у дверей остаются только двое.

- Завтра в школу не пойду, ну, нафиг. – Хрипло произносит Лидка и шмыгает носом.

Маша молчит, вглядываясь в тени за окном. Там еще кто-то ходит.

Шаги становятся ближе, дверь открывается снова и на дорогу выплескивается ведро грязной воды.

4.

- Ушел сразу, ускользнул через черный ход – по новостям говорили. Ты такой заботливый, не хотел, чтобы мы вот так встретились, среди неистовой толпы, на холоде: сопли, иней, влажный от дыхания шарф.

Все это пошло и не романтично. Еще и эти вокруг... фанатки. Сразу бы все испортили вопросами, автографами, вспышками, этой мирской суетой.

Не так у нас должно быть, я понимаю.

Ты прав.

Я буду ждать тебя столько, сколько будет нужно этому миру...

Хоть до шестнадцати.

Какой же ты все-таки...

**КАК ЧЕЛОВЕК
АТЕИСТИЧНЫЙ,
ОДИНОКИЙ
И ДОВОЛЬНО
ЗАМКНУТЫЙ,
Я ЧАСТО ДУМАЮ
О ХОРОШИХ
СОБЕСЕДНИКАХ,
ЛЮБВИ И БОГЕ...**

№6

В любой непонятной ситуации беги в Петербург.
Не забудь шарф, перчатки, гедонизм и слезящиеся
глаза. И зонт. Зонт не забудь.

Спасибо.

Поехали.

Пятница.

Со мной рюкзак, Алина, несколько скринов с
достопримечательностями и лютая радость.

Боковые верхние плацкарта.

Автозамена исправляет на "верхние круги ада".

Я пытаюсь не умереть ночью от недостатка
кислорода.

Я пытаюсь лежать, как в гробу и чувствовать уют.

Алина пытается не разговаривать с неким
Мишей_очки_как_у_Новосельцева. А он смотрит

прямо в душу. Всю ночь. Своими очками.

Я лежу под бежевым одеялом и еще не знаю, что спустя несколько часов я сотру ноги и не смогу ходить. Алина же замерзнет от недостатка теплых вещей.

Поезд прибывает в шесть утра.

Заселение в двенадцать.

Шестичасовой туристический экстаз: три кафе, три чайника пуэра, беседы обо всем и даже больше.

Плюс рулон туалетной бумаги в кеды – надежда на уменьшение давления на мозоли.

А нет, это было потом.

Пока что я играю в сверхчеловека, веселю Ницше.

(далее голые факты)

- Красивый номер хостела/гостиницы. Что-то стучит в стену. Или, что более жутко, в стене.

- Попытка гулять.

- Слезы, игры в русалочку. Такой же печальный финал.

- Пицца в гостиницу/хостел — начало счастливых выходных.

Мы ели и спали на большой кровати.

Много смеялись и смотрели тв.

(Уехать в другой город, чтобы выспаться и поесть от души — типично).

Сейчас я лежу на такой же боковой полке (номер пятьдесят два).

Deja vu.

Слева от меня кореец-шизофреник. Смотрит в окно, говорит сам с собой на русском, английском и, кажется, арабском. Вглядывается в темноту, ждет, когда темнота начнет вглядываться в его шизофрению.

Снизу — женщина_в_желто-зеленой_шубе. Десять минут беседовала по телефону: "А не надо было ко мне привыкать" — смеется.

Сердцеедка. Чертовка. Суккуб.

Положила трубку. Смотрит в пустоту, не моргает, не шевелится. Видимо, весь мир ее был на том конце провода.

Алина спит.

Меня ленинградит*

*как хочешь, так и понимай

Urd. Я проснулась от того, что какая-то субстанция человека гладит меня по ногам.

Алина, в следующий раз билеты покупаю я.

**ПОСТОЯННО
НУЖНО
ПОДБИРАТЬ
СЛОВА.**

**В ОБЩЕНИИ -
ЧТОБ НЕ
ЗАЦЕПИТЬ.**

**В ТЕКСТАХ -
ЧТОБ ЗАЦЕПИЛО.**

№7

Наконец-то бросила общаться.

Общалась почти 30 лет подряд. Очень много лишнего наговорила.

Так бы и продолжала, хорошо, что британские ученые выяснили, что общение приводит к потере времени, невыполненным обещаниям и ложным надеждам. А иногда можно и до смерти заболтаться.

Испугавшись за здоровье, бросила.

Теперь, конечно, тяжело, ломает. Хочется иногда переброситься парой слов. Хоть время спросить или кто в очереди последний, или фразу за кого-то закончить. Но нельзя. Не стоит это того...

Особенно тяжело, когда выпью. Сразу хочется говорить взхлеб о всяком возвышенном, философском и даже не важно с кем. Рука так и тянется к соцсетям и телефонной книжке.

Хорошо, денег на телефоне не бывает почти никогда. А то сорвалась бы.

И хорошо, что люди вокруг замкнутые, ничем не интересуются, в душу не лезут. Короче, на корню пресекают все попытки поговорить.

Спасибо.

ВЕЧЕР

Однажды вечером шли мы куда-то с людьми. У нас был скучный и достаточно банальный разговор.

И тут мне захотелось блеснуть мастерством литератора и описать синеву вечера, тающего на наших лицах.

Но я запуталась в метафоре и сказала: "Обратите внимание, насколько синие у нас лица", напророчив тем самым окончание того дня.

МЕТЕОРИТ*

*эта повесть не пытается, но может немного оскорбить ваши чувства.

1 ГЛАВА. ЧТО-ТО НАЧИНАЕТ СЛУЧАТЬСЯ

Что-то начало случаться еще ночью.

Разнообразные люди спокойно спали в зонах своего комфорта, планировали будущее, репетировали завтрашние разговоры, а в это время что-то начинало случаться.

И никто не подозревал об этом...

*

Федор проснулся довольно быстро. Не потому что устал спать, а от того, что кто-то сильно лягнул его в грудь. Только вот Федор был один. Если бы он находился с Елизаветой, он бы не удивился такой ситуации (ему Петр и не такое про нее рассказывал).

Но он-то, Федор, был один и никто никаким образом лягнуть его не мог.

От этой мысли Федор проснулся.

- Как обухом по голове! - Произнес он и почесал солнечное сплетение...

★

Тамара Александровна в то утро топила горе в кастрюле с вареной сгущенкой, сидя перед зеркалом:

- Сами вы дураки толстые, страшные, даже провайдерам ненужные – говорила с набитым ртом Тамара Александровна и утирала слезы ладошкой...

★

Жанна выбрала в тот день образ капризной овцы и бесила Олега своими "Нет, не так делаешь, делай нормально".

Олег же просто пытался починить ручку двери туалета.

- Не буду чинить, пусть Жанна застрянет там и подохнет. – Решил Олег и ушел за хлебом и "чем-то таким, ну, вкусненьким, к чаю"...

2 ГЛАВА. КОЕ-ЧТО СЛУЧИЛОСЬ

Когда Олег вышел из дома, он сразу же закурил подорожавшую за ночь сигарету.

Курение помогало ему чувствовать себя еще пока средним классом, мол, он, просто вынося мусор, может сжечь одну двадцатую от ста тридцати рублей, то есть целых шесть рублей и еще оставшиеся пятьдесят копеек забычковать...

Так вот.

Когда Олег вышел и закурил, на его дом упал метеорит, размазав Жанну, ее капризы и еще пять этажей второстепенных персонажей по российской действительности.

В этот момент Олег понял, что мысль материальна и стал думать про кучу бабла и новые трусы (старые были уничтожены сложившейся ситуацией)...

*

Когда метеорит падал на дом, превращая ландшафт города из привычного в беспокойный, Тамара Александровна пыталась покончить с собой.

Здоровье у нее было крепкое, советско-социалистическое, потому умереть было очень трудно. Но возможно.

У таких людей тоже есть свой криптонит. У Тамары Александровны это был кефир.

Метеорит упал, издав вибрирующее "бум".

С тем же звуком упала на пол Тамара Александровна, уронив недопитый кефир и

оставшиеся крупницы достоинства.

Крупницы рассыпались так же, как три брака Тамары Александровны + ее мечты + надежды + бусы из фальшивого жемчуга...

★

Через четыре дня Тамару Александровну нашли по запаху.

Медик Миша, вынося из квартиры тело, очень хотел спать.

Дело в том, что он и другие бригады четыре дня разбирались с последствиями падения метеорита: с облучениями, сверхспособностями, увечьями, лжепророками, насморками и даже со смертью. От этого медик Миша сильно притомился и все время зевал.

Но, как всем известно, он был профессионал и старался зевать с открытыми глазами, чтобы не уснуть.

Правда, медик Миша так сильно увлекся самоконтролем, что наступил на одну из фальшивых жемчужин и покатился на ней в сторону открытого окна.

Медик Ваня, державший вторую половину Тамары Александровны, попытался затормозить движение коллеги, потянув тело за ноги, но наступил на другую жемчужину и стал катиться вместе с Мишей.

Долго ли, коротко ли, но, скорее, недолго катились медики Миша и Ваня к окну.

И докатились они до того, что Миша из этого окна выпал.

Правда, не до конца, а повис, как пижама, вцепившись в Тамару Александровну...

★

В это время Федор спал.

Во сне он мечтал о своем дачном участке, новых “Жигулях” (50р. бутылка) и о соседке с пятого этажа (у нее ноги красивые). И с еще третьего (у той трешка).

- Почему такая и одна? – Шептал он сквозь сон и дергал ножкой...

3 ГЛАВА. СМУТНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ СЛУЧИВШЕГОСЯ

Ситуация подсказывает, что пришла пора рассказать про деда Афанасия, бывшего пулеметчика по службе, но не по жизни.

Дед страдал паранойей: боялся, что к нему придет Бог и накомтыляет за многолетний атеизм и похабные байки про Чапаева. И чтобы этого не случилось, дед Афанасий сидел у окна и смотрел на мир через оптический прицел (на нашу пенсию можно и не такое себе позволить).

Когда же в оптическом прицеле появился метеорит, дед Афанасий вместо того, чтобы героически сбить его в воздухе, решил, что настал судный день, и начал поститься, выкидывая из окна банки с тушенкой.

*

Одна из таких банок упала на дорогу, где ее сбил КамАЗ.

Банка подлетела на три метра и тут же была подхвачена вороной, но сильный порыв ветра вырвал банку из лап птицы.

Тогда тушенка свободно пролетела еще несколько метров и упала через открытое окно Федору на грудь. От чего тот и проснулся.

На этом мы оставим Федора в покое. Пусть человек выспится хотя бы на посту.

*

В три часа пополудни медик Миша боролся за свою жизнь.

Да, такого он еще никогда не делал.

Разве что в первом классе, когда Леночка забила его портфелем до сотрясения второй степени. Но там была страсть и Миша это понимал.

Теперь понял.

Перед глазами пронеслась вся его жизнь: Леночка с раздутыми от страсти ноздрями, ее портфель с

учебниками русского и литературы, больничное декольте медсестры, долгие лежания в палате и белые стены с бегущими полосками света от фар по ночам...

Выпускной, попытки пить водку залпом из горла, папиросы «беломорканал», пахнувшие сладким самопознанием...

Мединститут, практика, Леночка пришла в абортарий, прячет за челкой разбитую бровь...

Попытки влюбиться в доктора Ковалеву, незапланированная влюбленность в пациентку с аппендицитом, как же ее?..

Учебники, учебники, учебники...

Тошнота от сигарет и гастрита, металлический вкус пересдач.

Железный вкус на губах с примесью земли и обиды – друг Ваня пожалел, отдал свой старый мобильник.

Июль, Юля, лампочки в парке по всем деревьям. Романтический момент, а у нее парень Володя, чего раньше не говорила?..

Работа за копейки, утки, старческие руки хватают за

предплечья. Каждый день нужно кому-то помогать...
“А мне кто поможет?”.

Сутками происходит все, либо не происходит ничего, кроме мерцания люминесцентной лампы.

“Мама, сейчас это лечат, не волнуйся, я спрошу у Сергея Геннадьевича... Все будет хорошо...”

Черный костюм в аренду – шесть тысяч в день.

- Не хотите поставить памятник?

- Спасибо, пока не на что...

Жужжание лампы сверлит висок.

Бросил курить - вдруг стало не наплевать.

Ел бутерброд, думал о самоубийстве, а тут по новостям падение метеорита. СМИ снова быстрее «скорых»...

- Руки сложите вон туда.

- А это?

- А это я собачке отнесу...

- Доктор, кажется, у меня пульса нет.

- Глупости... Хм, и правда нет.

- Но я нормально себя чувствую.

- Если нормально, идите домой, не мешайте работать.

Калейдоскоп лиц. Карнавал смерти.

“А когда-то я просто хотел... Не помню уже. Поспать бы...”

- Алло, тут пахнет не розами. Приезжайте.

Смерть от потери мечты четыре дня назад. Это СМИ не интересуется, слишком банально.

Бусы, открытое окно.

Лицо Тамары Александровны. Смотрит прямо, вытянула руки. Кто бы мог подумать, что мертвое может пытаться спасти жизнь?

Кто бы мог подумать, что мертвое может пытаться спастись?

“Надоело...”

Шестой этаж.

Медик Миша разжал руки...

4 ГЛАВА. ПОСЛЕДСТВИЯ СЛУЧИВШЕГОСЯ (всем грустно)

Все, будто в фильмах: слоу-моушн, медик Ваня протяжно кричит “Нет!”, делает круглые глаза и пытается понять, как можно все исправить.

“Нужно было идти на юриста (например), а не в медицинский” - понимает Ваня.

Но, к сожалению, путешествия во времени никогда не были его сильной стороной.

И отжимания. Отжимания тоже не были.

Поэтому ситуация, в которой оказался Ваня, была патовая: в его слабых руках была Тамара Александровна, женщина мертвая и тяжелая, а за окном медленно падал друг и коллега Миша.

В голове у Вани разрасталась мысль, что нужно срочно бежать на улицу.

Но зачем?

Он не успеет поймать своего друга и не сумеет его воскресить (медик Ваня был реалистом, он понимал, что шестой этаж – это давно не шуточки). Да и как быть с Тамарой Александровной, медленно выскальзывающей из влажных медицинских рук? Героически втащить ее обратно в комнату или бросить, как мешок, из окна, авось она послужит Мише буфером?

Медик Ваня не знал, что делать, поэтому просто смотрел из окна вниз и плакал.

Еще он думал о превратностях судьбы, что жизнь быстротечна, а смерть неизбежна. Будь ты хоть медик, хоть поп, все равно закончишь свое существование перегномом. И нет от этого спасения.

Также медика Ваню волновала людская безалаберность: ведь некоторым так мало отведенного времени, чтобы успеть пожить, а некоторые берут и отпускают руки Тамары Александровны, поддавшись мимолетной слабости.

Тогда медик Ваня испытал такую неприязнь к другу, что физически и морально окреп. Втянул Тамару Александровну в дом, позвонил в полицию и даже принял пенную ванну в доме умершей. Последнее, конечно, было лишним. И его за это уволили. Но он ни разу не пожалел о содеянном...

★

Олег на последние деньги купил не конфеты “к чаю”, а пиво и модный брелок для ключей, в виде странной головы.

Это был брелок-антистресс. Внутри него находилась липкая густая жижа с химически-приятным запахом, именуемая “лизун”. Если сжать странную голову, жижа лезла из носа и пузырилась.

Как сопли.

Очень смешно.

Олег сидел на лавочке напротив кратера, созданного метеоритом, пил пиво, сжимал сопливую голову-антистресс и наблюдал. Сначала вокруг было очень много людей, все

шумели, охали и проверяли друг друга на целостность.

Потом приехали СМИ и разобрали всех на интервью. Гадалка Нана влезла в кадр, назвала Олега избранным и добавила что-то на цыганском. Или просто чихнула. Никто не понял.

Постепенно людей вокруг становилось все меньше. И через четыре дня Олег остался один. И не так один, как бывают многие, а с о в с е м.

Не было больше в олеговом мире “нет, не так делаешь, делай нормально”, и сломанной ручки двери туалета не было, и внезапных конфеток в кармашках, и ужасного персикового шампуня для поврежденных волос, и теплых булочек с корицей, и слишком жарких объятий летом, и “давай сегодня никуда не пойдём”, и “я передумала, поехали на танцы”, и чистых рубашек, и маленьких зажимов для пакетов с божьими коровками, и всегда парных носков, и смешных шторок в ванной... И не было в олеговом мире никого, кто мог бы разделить с ним это невероятно-невероятно-невероятное одиночество.

Вдруг Олегу стало настолько невыносимо внутри и снаружи, что он больше не мог оставаться на месте. И не остался.

5 ГЛАВА. ЧТО-ТО ЗАКАНЧИВАЕТ СЛУЧАТЬСЯ

★

Миша падал в киселе слоу-моушна несколько этажей.

В тот момент он не был медиком и не был жертвой обстоятельств, также он не был без трех минут покойником.

Он бы дураком, сожалеющим о своем поступке.

Наверное, поэтому земля приближалась так медленно, чтобы можно было прочувствовать момент и понять, что единственной настоящей ошибкой в жизни Миши стало желание сдаться.

Миша был врачом от бога, потому атеистом.

Но тогда он молился, точнее, лихорадочно вспоминал фразы, которые, по его мнению, были связаны с теологией. Но ничего кроме “oh, god! oh, god!!” не вспоминалось.

- Господи, – тогда сказал Миша, – я не знаю, как все это у вас наверху работает, но если существует какая-то кнопка отмены, укажи мне на нее или сам на нее нажми. Я не хочу умирать сейчас, я хотел бы еще что-то успеть. Что-то такое, за что все же не будет стыдно перед потомками. Если бы у меня был еще один шанс, я бы начал подавать милостыню

калекам, даже если это все вранье и они самостоятельно могут ходить/видеть/кормить детей; я бы помирился с отцом, даже несмотря на то, что он когда-то продал мои книжки, чтобы купить себе куртку и ящик пива; я бы выучил пару языков, как мечтал, даже китайский... Если бы у меня был шанс... Господи, пожалуйста...

Но ничего не случилось.

В этот момент по улице Доватора медленно шел Олег.

Он не разделял мнения Шопенгауэра о счастье одиночества, потому думал, как бы так ему умереть. Но некрасиво умирать он почему-то не хотел, хотя никогда особо не заботился о чужом мнении и своем внешнем виде.

“Вот Жанна, - думал Олег, - нормально так умерла, красиво, даже эпично. Как в пародии на древнегреческую трагедию. Я тоже так хочу...”

- Господи, – неожиданно для себя произнес Олег и остановился, – если ты меня слышишь, помоги! Дай мне обрести покой. Сам я обретать покой не хочу, потому что это у вас называется “суицид” и получится не очень: тут я буду лежать непрезентабельный (обделаюсь) и бездыханный,

а в вашем мире из-за этого буду сидеть среди плохо поющих эмарей и японских подростков, помешанных на покемонах. Потому я прошу твоей помощи, Господи, дай мне то, о чем я прошу...

И Олег вознес руки к небу. Так он стоял некоторое время, но ничего не происходило.

Олег уже собрался уходить, как на него обрушился медик Миша.

И все закончилось.

ЭПИЛОГ

Район восстановили через год.

Сначала люди боялись заселяться, потом боялись, что прилетит новый метеорит и что-то случится вновь, потом просто боялись, благо, всегда есть повод.

Но постепенно чувство страха притупилось и люди зажили обычной жизнью:

Федор продолжал спать на посту и говорить во сне ерунду.

Бывший медик Ваня уехал в Китай и работает велорикшей. Для этой профессии не нужны сильные руки, а ноги у него ничего.

Олег пролежал в больнице с переломами_всего довольно долго, но о нем заботилась медсестра, кстати, тоже Жанна и время пролетело незаметно. Когда гипс сняли, Олег женился на медсестре и

обрел покой. Теперь на физиотерапии он с радостью слушает “нет, не так делаешь, делай нормально”.

Дед Афанасий скончался через пять лет после всех этих странных событий. Он пришел к Богу покаяться, но тот был занят – карал создателя селфи-палки.

Медик Миша сломал только ногу. Лежа в больнице он переосмыслил жизнь и решил стать монахом, но потом выписался и как-то все закрутилось... Зато он выучил песни Тимати и новое меню в ближайшем кабаке. А еще несколько раз пытался жениться, но сдался и завел собаку.

Голова-антистресс была забыта на лавочке у кратера и ее унесли цыгане. Теперь она ездит по России и ищет, где кончается снег.

А девочка из седьмого класса «б» анализирует эту повесть (почему не Толстого?), разбирает персонажей, композицию, стилистические особенности и краснеет, когда не выходит ответить, в чем основная мысль и что же хотел сказать автор?..

**БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ
КУЛЬТУРЫ, БУДЬ
ТО ЛИТЕРАТУРА,
ТЕАТР, ЖИВОПИСЬ,
ДЕРЖИТСЯ НА
ГРЕХАХ.**

№8

Помню утренник Челябинского Театра Кукол.
Пахнет пылью, табачным дымом и гримом.
Пришли дети в шуршащих платьях с сеточным подолом и атласным подкладом. Подол больно врезается в ноги, когда сидишь, а подклад все время задирается, даже если не шевелишься. Сам ползет вверх, видимо, чтобы сеточному подолу было удобнее цеплять ноги в белых колготках.
Пришли дети в штанах на подтяжках и рубашках в светлую клеточку - белый плюс беж. С воротником застегнутым под горло. И челочкой а-ля кляйне фюрер.

Пришли дети в возрасте от четырех лет и до того момента, когда уже неловко.

Среди вторых – я. Стоит отметить, что отпечаток обреченности на лице, я заработала именно в тот период жизни.

Я здесь/там не потому, что мне жизненно необходимо водить хоровод. Я не хочу быть прижатой к солнечному сплетению Дедушки Мороза (прямо в пыльную красную ткань лицом). И, конечно, я не мечтаю своим душераздирающим воплем зажечь эту чертову елку.

Я там/здесь лишь потому, что судьбою мне было предрешиено родиться в семье актеров данного театра, а теперь у них что-то произошло, и я вынужденно их жду.

Итак, я сижу на одном из стульев, пока дети смотрят кукол в витринах (я их уже видела, они, конечно, родные, но все равно дико страшные. Куклы. Не дети. Хотя, дети тоже не первой свежести).
Начинается представление.

Далее, как в тумане. Много пестрых красок, мельтешение, музыка бьющая прямо в мозг. Все еще пахнет гримом, пылью и табаком, а чудом не пахнет.

Я медитирую на огоньки и имитирую вовлеченность в процесс.

Внезапно ко мне подходит дядя Толик_костюм_Петрушки и ненавязчиво выводит в круг. Там нет сцены, стулья стоят вокруг елки и некоего пространства.

Теперь я тоже в этом пространстве. Я, господипрости, участник этой вакханалии.

- Кукарекай – говорит дядя Толик. – Грядет год Петуха, давай позовем его.

Я пытаюсь симитировать смерть. Дядя Толик слишком внимателен и видит, что я дышу:

- Кукарекай.

Мама, за что?

Внутренний конфликт: я понимаю, что позорный побег – это пощечина всему актерскому братству, но с другой стороны, выполнение этой нелепой просьбы – пощечина мне.

В шахматах это называется "цугцванг".

- Кукарекай.

Дети ерзают в ожидании, кто-то уже недовольно дышит. Они жаждут хлеба и зрелищ, а не молчаливого ничего. Они беззвучно бунтуют и мечтают меня распять: сначала вот эта с косой не

ходила с нами по фойе, она не смотрела кукол, она даже не в платье! А теперь она скрывает нам праздник. Если она не прокукарекает, мать его, три раза, чуда не произойдет. Тик-так, девочка с косой, кукарекай.

И я кукарекаю. (господипомоги) Раз.
Самая абсурдная ситуация в жизни.

- Кукареку!

В моем голосе слишком много отчаяния, кажется, на всю жизнь вперед. Два.

- Кукареку!

Я больше не вернусь сюда. Три.

Дядя Толик называет меня молодцом и говорит садиться. И я сажусь, но от этого крика в груди до сих пор болит.

ДО СИХ ПОР болит, доктор.

**ХОЧУ СКАЗАТЬ
СПАСИБО
КАЖДОМУ
МУЖЧИНЕ,
В КОТОРОГО Я
КОГДА-ЛИБО
БЫЛА БЕЗОТВЕТНО
ВЛЮБЛЕНА.
ЕСЛИ БЫ НЕ ВЫ,
В МИРЕ БЫЛО БЫ
НАМНОГО МЕНЬШЕ
ЛИРИЧНЫХ СТРОК.**

№9

Кожа, еще хранящая сладкий аромат солнца, теперь покрывалась буграми мурашек. На горизонте собирались черные клубы туч. Они медленно текли к берегу моря, волоча за собой косы дождевой воды.

Тут и там, ранеными птицами, хлопало на ветру белье. Люди, завидев приближающуюся бурю, закрывали ставни и уже в теплых коконах квартир злорадствовали:

- Мы не там.

Миша поскользнулся на береговой гальке. Легкие жгло от бега.

Где же мама? Неужели, он ушел так далеко?

Он закрыл глаза и попытался сконцентрироваться – нужно вспомнить, что она говорила.

Холодные капли били его по обгоревшим плечам.

Сначала медленно, будто нащупывая больные места, а затем все сильнее и чаще.

Миша вспоминал. Вот мама в бежевом платье с красными маками держит Мишу мягкой сдобой руки. У мамы смешное лицо в золотую точку от лучей, пробивающихся сквозь соломенную шляпу. Мама что-то говорит Мише, но впереди синяя, в мозаике солнца, вода. Она интереснее наставлений.

Рядом с мальчиком разбивается волна и соленые брызги накрывают его ледяным одеялом. Море злится: на берегу никого не должно быть, а тут этот, маленький, если он не захотел уйти сам, волны заберут его с собой.

“У фонтана”.

Рот в скобках морщин называл это место для встречи.

Миша открывает глаза, буря будто бы ждала этого, она набрасывается на ребенка и сбивает его с ног.

От неожиданности Миша раскрывает ладонь и на гальку падают ракушки, камни, затертые водой до матовости, леденцы стекла и прочие сокровища глубин. Волна слизывает их и уносит в своем брюхе.

Миша пытается отнять уплывающую добычу.
В кулаке остается камешек с дырочкой внутри.
Хоть что-то. Мальчик, прижимает камень к груди:
- Куриный бог, если ты правда исполняешь желания,
помоги...

Темнеет.

Море теперь цвета разлитых чернил - повторяет за небом. Миша старается обогнать дождь, хоть ноги и каменеют от холода и усталости.

Впереди белыми пиками сияют пляжные зонты.
Знакомое место. Всполохи молнии на секунду освещают окрестности. Золотым зубом блестит фигура женщины в тоге – фонтан.

Миша спешит к нему: "Мама, я здесь, не волнуйся!".
Но вокруг ни души.

Дождь догоняет ребенка и обрушивает на него свою злость.

Миша садится на край фонтана. Ноги гудят, как распределительный щиток. Мальчик трогает их – не ударят ли током?

Сердце, сначала бьющееся где-то в горле, резко падает в низ желудка от пугающей мысли: "Я один, что теперь делать?"

Золотая девушка в тоге безучастно улыбается, глядя

вперед. Миша прижимается к ее каменному подолу и закрывает глаза - будь, что будет.

Теплые руки вносят легкое семилетнее тельце в медовый свет ресторана.

Махровое полотенце, колючее от соли, обжигает кожу.

Миша открывает глаза. Над ним склонились люди и ближе всех – мокрая от дождя мама.

Шум бури теряется среди звона ножей и вилок, шуток и громкого смеха.

Желтый свет ламп просачивается сквозь щели окон, распарывая уличную синь.

Миша тихонько гладит куриного бога: "Спасибо".

**ЕСЛИ ТЕБЕ
КАЖЕТСЯ, ЧТО
ЭТОТ МИР УЖЕ
ПОНЯТЕН, ЗНАЧИТ
ТЫ ТАК НИЧЕГО
И НЕ ПОНЯЛ.**

№10

Меня обижает ворона.

Каждый раз, выходя на улицу с собакой, напряженно вслушиваюсь, не прошелестят ли над головой черные крылья...

Она приходит на каждую нашу прогулку, подбирается ближе и кричит свое "nevermore".

Собака не паникует, но и охранные функции почему-то не спешит выполнять, а я сама не из тех, кто может дать достойный отпор животине, кинуть палкой или камнем. Не могу, жалко.

Сначала я даже думала, что мы подружмся. Пару раз носила ей еду. Не ест, зараза. Только орет, раздувая шею, поворачивает голову на бок и смотрит бусинкой глаза.

Досмотрелась, запомнила.

Теперь каждый раз приходит и орет.

- Говори по-русски - кричу ей - В России все-таки живешь, мы страна многонациональная, конечно, но учи язык.

Не срабатывает. Подбирается все ближе или сидит в ветвях, выставляет меня идиоткой, орущей в небо: "Уходи, не тронь!".

Люди оборачиваются, смотрят как на больную, неловко.

Я уже даже не знаю, что делать.

Буллинг от птицы - это проблема, о которой не говорят вслух.

**ПРОСТО КАЖДЫЙ
ДЕНЬ НАДО
СПРАШИВАТЬ
СЕБЯ: «ЧТО Я МОГУ
СДЕЛАТЬ ДЛЯ
ЭТОГО МИРА,
ЧТОБЫ ОН СТАЛ
ЛУЧШЕ?» ИЛИ
ХОТЯ БЫ «КАК МНЕ
НЕ СДЕЛАТЬ
ХУЖЕ?»**

№11

Каждый раз кажется, что тебя окончательно убило. Дальше только пустота, тишина, холод склепа и замогильное существование: пять дней в офисе, а затем два дня на диване, щелкая пультом/семечки/костяшками пальцев.

Время тянется жвачкой, а потом...

В один из дней ты просыпаешься и ощущаешь жизнь в своем теле. Эта жизнь бурлит, кипит, покалывает в солнечном сплетении. И сам ты искришься, ты полон идей, новых надежд. Будто старые мысли – это хлам, который выбросили весной на помойку.

Вот снова ты свеж, чист, радостен. Каждый прохожий тебе друг, каждая собака – брат. Идешь, улыбаешься, как придурок, нюхаешь цветущие яблони.

Жив!

Как же хорошо быть живым, как же сладко и легко думать, говорить, парить, касаться других людей своими руками, словами, глазами.

Ты полон сил, ты окрылен.

А потом, когда флер эйфории сошел, вдруг понимаешь, что кто-то смотрит тебе в спину, особенно по ночам, когда ты один.

Этот кто-то многолик – сгусток всех твоих прошлых ошибок и разочарований. Он смотрит на тебя, говорит голосами любовей, снисходительно склоняет голову на бок и нежно манит в замогильную тишь.

Только бы не повторить.

"Следующий раз меня точно убьет" - говоришь то ли со страхом, то ли с надеждой.

И Бог слышит.

Однажды ты идешь куда-нибудь, а там она (или он). И сразу чувствуешь, что пазлы твоей души настойчиво тянутся к пазлам этого человека.

Щелк-щелк-щелк.

Складывается!

Скла-ды-ва-е-тся!

Сначала робко, затем все активнее, быстрее, вот уже сложилась рамка картины и немного из центра

(там пазлы яркие, их легко сложить, а с однотонными придется повозиться...).

И вот еще какая-то часть у вас совпала. А остальные из другой коробки, кажется, перепутали.

Не складывается.

И свои детали ты красишь, а у человека — подпиливаешь, чтобы собрать. Надо же собрать до конца, ведь так хорошо все начиналось!

Не выходит.

Психуешь.

Ломаешь, как взбешенный ребенок, все, что уже построено: "Так не доставайся же ты никому!".

Разметал.

Ткнул носом в то, что свои пазлы красил, старался ради всеобщего счастья, а не оценили (а кто просил-то?).

Ушел.

Может, не ты, но кто-то из вас двоих точно.

И тут же повеяло холодом.

Опять ты умер.

Опять без возврата.

Но это пройдет.

И когда вновь солнце зальет душу, ты оглянешься назад на тот замогильный сгусток потерь, висящий на тебе, как походный рюкзак, и вдруг поймешь: "тот пазл был диптихом".

№12

Когда-то я общалась с путешественником, хроническим исследователем улиц.

Мы много петляли по столичным дворам, стараясь добраться из точки А в точку Б.

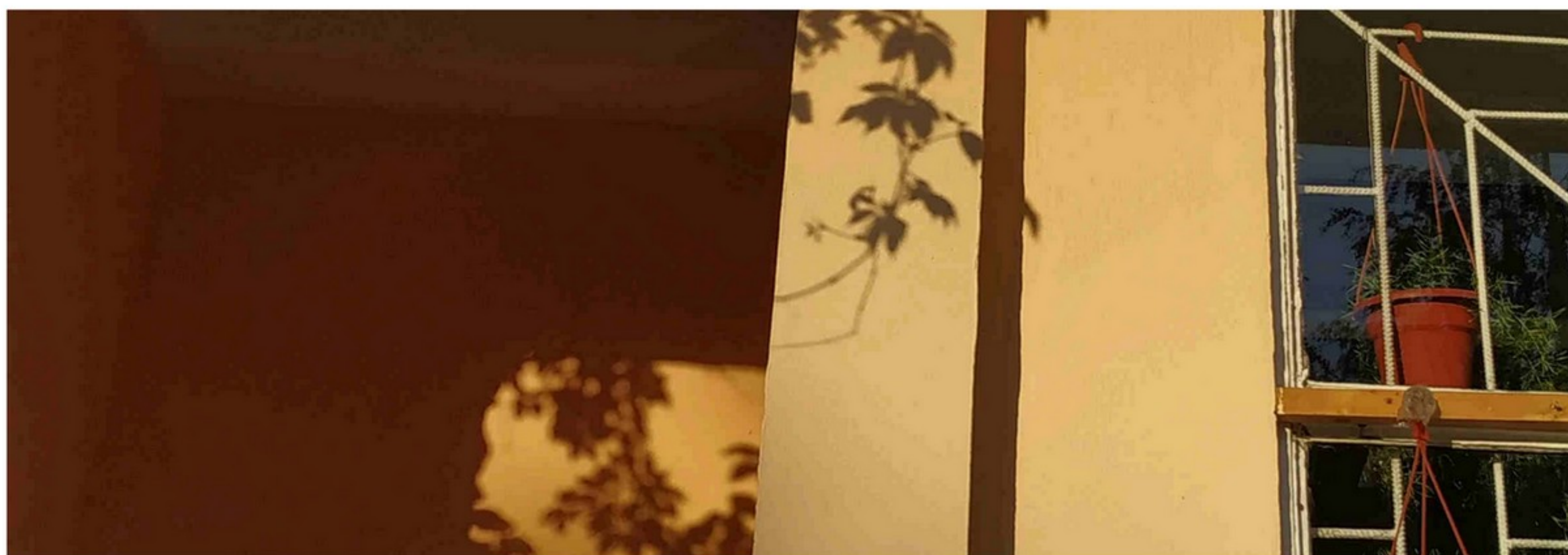
И когда череда домов от усталости начинала сливаться в единое разноцветное полотно, он говорил: "Держи вектор".

Этот человек давно бродит по другим городам, но его слова всегда со мной.

Держи вектор.

Как бы ни крутила судьба.

**ТЕЧЕНИЕ ВРЕМЕНИ
ОСОБЕННО ОСТРО
ОЩУЩАЕШЬ
В ДВУХ СЛУЧАЯХ:
КОГДА НЕ
ВЛЕЗАЕШЬ
В СТАРЫЕ БРЮКИ И
КОГДА
ЗАВЕДЕНИЯ,
С КОТОРЫМИ
МНОГОЕ СВЯЗАНО,
ЗАКРЫВАЮТ.**

НОВОСТРОЙ

В коридоре пахнет ностальгией. Этот запах привозят к нам в больших синих баллонах и распыляют трижды в день, чтобы прошлая жизнь казалась медом. По этажам бродят запахи кислых щей, канифоли, сушеных трав и лекарств, а еще пахнет старыми деревянными игрушками, которые покрыты сверху толстым слоем краски. Дерево пахнет сладко, а краска – кисло и химически. От этого сразу вспоминаются гаражи, игры в магазин, карманы полные “валютой”: крышками от пива и листьями.

Осенью обычно добавляют ароматы карбида, луж и гладиолусов. Для настроения праздника в день знаний.

А зимой пахнет снегом. Но им пахнет везде и ностальгия рождается в любой точке города, от

разноцветных лампочек, кренделей и протяжных песен «АББЫ». Поэтому зимой на нас можно сэкономить.

Но только не летом.

Летом хочется за границу, есть большие пирамиды мороженого, носить вещи, которые у нас носить неуместно, фотографировать на пленку, чтобы потом распечатанные фотографии переснять на цифру.

Летом Россией никого не удивишь.

Летом Россия становится потной и вонючей. И кажется, что ты в ловушке, и никогда ничего не поменяется.

И чтобы мысли не уходили дальше границы, в наш новострой специально заселили группу старушек, у которых еще линейны воспоминания о Советском Союзе, но уже довольно туманны, чтобы они говорили только хорошее.

Старушек было несколько, поэтому найти их можно было круглосуточно. Они сидели на лавочке около центрального подъезда и говорили.

Если одна старушка выдыхалась и засыпала, ее заменяла другая. Питались старушки семечками и горячими пирожками.

Не знаю, откуда они их брали. Пили компот и чай с земляникой.

И мы клюнули. Клюнули на рассказы и пирожки. Сели в круг и стали слушать про мораль и братство народов.

Сначала нас было мало. Трое. Я и две уличных собаки. Потом пришли соседи и родственники соседей. И еще несколько собак. Тогда мы развели костры и взяли гитары.

К нам в новострой стали съезжаться туристы со всех районов, чтобы послушать, как было когда-то хорошо и как теперь не очень.

Лозунг «Верни мне мой 2007» был благодарно сожжен, на его место водрузили старушек и их рассказы о талонах и распределении труда: тогда всем всего хватало, а когда не хватало – делились. Одну жвачку жевал весь класс. Потому что от доброты не образуются микробы.

И мы тоже стали так делать. Делились зарядками от айфонов, кто-то даже принес коробку пончиков и раздал всем.

Так родился наш собственный микрокосм.

У седьмого подъезда обменивались книгами. У пятого – вещами. Третий подъезд был ответственным за продукты питания.

Жизнь покатилась, как по маслу, которое предоставил Игорь Петрович из первого подъезда.

Мы жили и пели.

У нас появилась своя стенгазета и свои передовики. Тамара открыла гончарную мастерскую и мы стали делать кружки от фабрики «Новострой».

После переписи населения выяснилось, что у нас в доме незаконно выращивают грибы и кур. Так появилась сельское хозяйство.

Шестой подъезд отвечал за развитие культурного наследия: пелись песни, слагались легенды о старушках и Советском Союзе. Конечно, многое было вымыслом, но зачем подрезать крылья художникам и баснописцам?

Один человек даже написал научную статью о детстве старушек, она, конечно, была основана лишь на гипотезах, ведь никто не знал было ли у старушек детство.

А после, этот же человек, выпавшись и протрезвев, написал опровержение и назвал свою прошлую статью “ересью”.

Скандал был оглушительным.

На еженедельном собрании мнения подъездов на этот счет разделились, и не знаю, как бы все кончилось, если бы не пришли сами старушки и не сказали: «Детство было». Тому человеку потом пришлось публично просить у себя же прощения. Портрет его до сих пор висит в четвертом подъезде, с подписью: «Первый человек, получивший премию «Новострой» в области науки».

Совсем скоро после этого случая, одна из подвальных сук родила. И впервые рождаемость превысила смертность. По такому случаю был организован народный праздник, а щенки получили подарки от каждого подъезда. Этот момент был более подробно освещен в пятом выпуске «Новостроя», поэтому я не буду о нем долго говорить.

Но когда наш микромир был на пике интеллектуальном и экономическом, когда гармония была не только достигнута, но и утверждена законом, старушки внезапно умерли. Доктор Петров сказал, что смерть наступила мгновенно у всех из-за истекшего срока годности.

В дом пришел траур.

К тому месту, где когда-то сидели старушки, люди принесли цветы и свечи.

Музыканты написали реквиемы, художники слепили посмертные маски и повесили их на столбах.

Мы держали друг друга за руки и плакали.

Возможно, думали мы хором, смерть старушек – это не беда, наоборот, это тот клей, который свяжет нас вместе и навсегда. Мы сохраним старушек в своих сердцах и будем рассказывать внукам и правнукам о том, как образовалось наше великое государство «Новострой».

Но внезапно наступил кризис – лето кончилось.

Запахло гладиолусами и карбидом, программируя тем самым людей на тяжелый труд.

Дети пошли в школы, давиться скучными знаниями и блеклыми мечтами о гладком, навязанном кем-то будущем.

Федор из второго подъезда, пришедший следом за мной и двумя собаками, плакал и пытался преградить путь соседям, идущим на работу. Он не мог смириться с развалом всего, что ему было дорого:

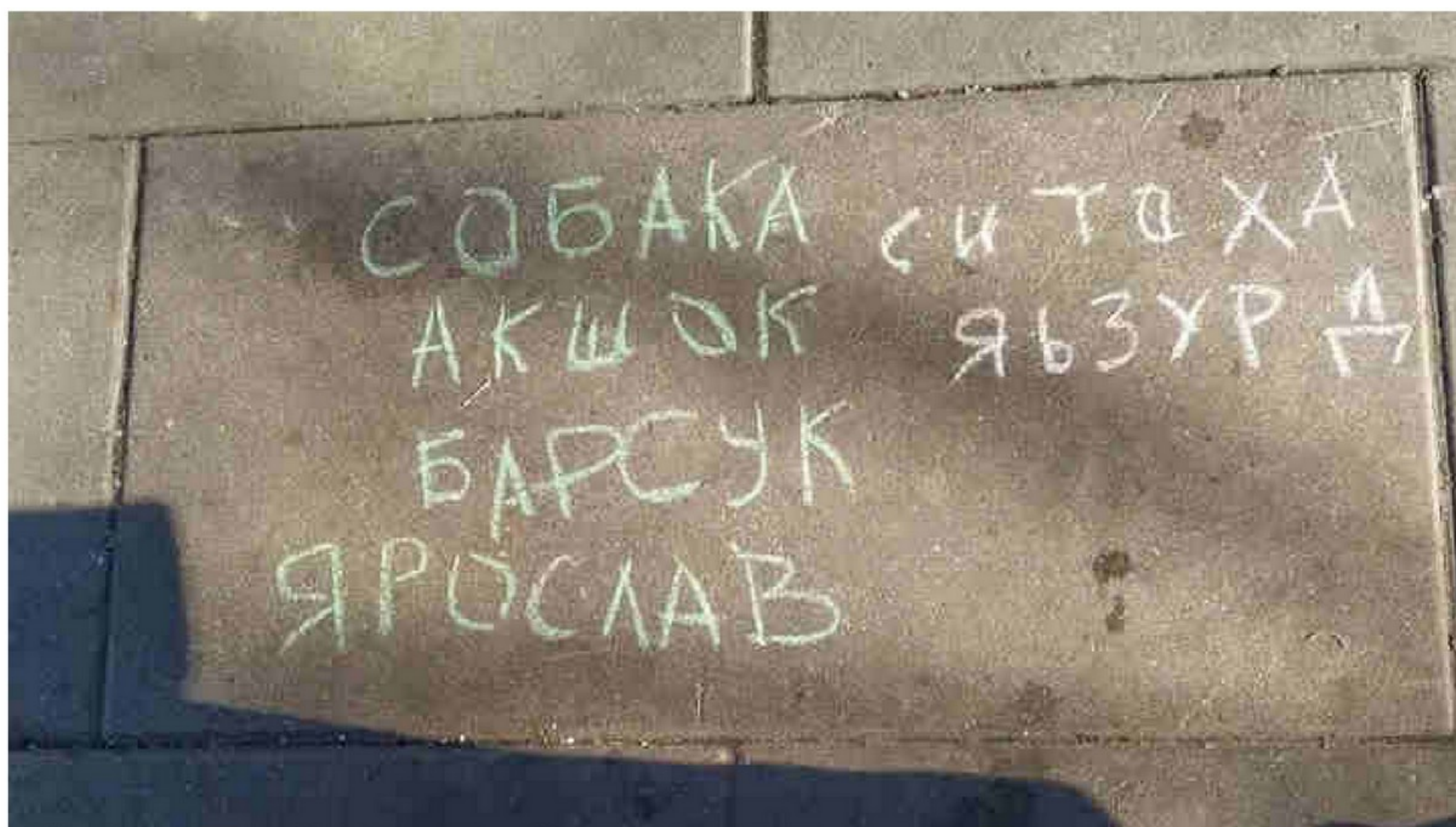
- Одумайтесь, - кричал он, - мы можем еще все сохранить.

- Побаловались и хватит, - отвечали ему люди и черной лентой тел уползали за горизонт.

Тогда Федор рвал на груди рубаху, а дети кидали в него крышками от пива – валютой без государства.

Старушек, кстати, забрал экскаватор. Он плохо припарковался и разрушил алтарь. И клумбы. Собрал в ковш старушек и унес, будто и не было их. И лета этого не было. И «Новостроя».

**УДИВИТЕЛЬНО,
КАК ИЗ МЫСЛЕЙ,
КОТОРЫЕ Я НЕ
ЛЮБИЛА, НА
БУМАГЕ ВЫШЛО
ЧТО-ТО ОЧЕНЬ
ХОРОШЕЕ.**

СПАСИБЫ:

Спасибо всем читателям. Без вас все это не имеет смысла.

Спасибо маме и папе за меня и воспитание.

Спасибо друзьям за поддержку и классные мысли.

Спасибо моим зверям за пушистость и уют.

Спасибо мне.

Не прощаемся!

P.s. У меня есть телеграм-канал: [@peachtales](https://www.instagram.com/peachtales).

Можете на него подписаться – мне будет приятно.